

УДК 821.161.1

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-4-11-17

ББК 83.3(2=411.2)6

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

ВОПЛОЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОМАНЕ А. П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

И. Д. Горбунов

Аннотация. Цель исследования – проанализировать способы воплощения и передачи исторической памяти в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». В статье рассмотрен метод реконструкции локальной истории в художественном тексте на обособленном фрагменте географического пространства, на которое проецируются социокультурные процессы «большой» истории (истории Отечества). Установлено, что А. П. Чудаков тяготеет к методам, характерным для микроисторической школы, фокусируется не на масштабных исторических событиях, а на отдельных судьбах «маленьких людей». Значительная часть текста романа основывается на бытописании – подробном рассказе о работе, досуге, ведении хозяйства жителями города Чебачинска (Шукинска). Степень локализации истории варьируется и внутри текста: внешний круг повествования составляют эпизоды из истории жизни жителей города, внутренний – более существенный по объему – истории из жизни членов семьи рассказчика. В ходе исследования была разобрана общая сюжетная структура, отмечено, что роман фактически состоит из тематически самостоятельных фрагментов, связующим звеном между которыми выступает образ Леонида Львовича, деда рассказчика. Отмечается, что образ деда в романе тесно связан с феноменом исторической памяти. В статье описано, каким образом через общение с Леонидом Львовичем рассказчик получает представления о прошлом, «впитывает» в себя культуру начала XX в. В исследовании разграничиваются и конкретизируются способы передачи исторической памяти: посредством воспитания и обучения, организации быта, воспроизведения семейных традиций. В заключение делается вывод, что роль деда в судьбе рассказчика настолько велика, что сама концепция течения времени напрямую связана с ним.

Ключевые слова: А. П. Чудаков, «Ложится мгла на старые ступени», новый историзм, история повседневности, историческая память, микроистория, сюжетообразование, повествовательная структура, семья, семейные ценности.

© Горбунов И. Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Горбуров И. Д. Воплощение исторической памяти в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Наука и школа. 2025. № 4. С. 11–17. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-4-11-17.

THE EMBODIMENT OF HISTORICAL MEMORY IN THE NOVEL “DARKNESS IS FALLING ON THE OLD STEPS” BY A. P. CHUDAKOV

I. D. Gorburov

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the methods of embodying and transmitting the historical memory in the novel “Darkness is falling on the old steps” by A. P. Chudakov. The article considers the method of reconstruction of local history on an isolated fragment of geographical space within the literary text onto which the social and cultural processes of the “global” history (the history of the Motherland) are projected. It is established that A. P. Chudakov tends to use the methods characteristic of the microhistorical school, focuses not on large-scale historical events, but on the individual fates of “little people”. A significant part of the text of the novel is based on everyday life – a detailed account of the work, leisure, and household activities of the inhabitants of the town of Chebakhinsk (Shchukinsk). The degree of localization of the story varies within the text: the outer circle of the narrative consists of episodes from the life history of the town’s inhabitants, while the inner circle – more substantial in volume – consists of stories from the lives of the narrator’s family members. In the course of the study the general plot structure was analyzed, it was noted that the novel actually consists of thematically independent fragments, the link between which is the image of Leonid Lvovich, the narrator’s grandfather. It is noted that the image of the grandfather in the novel is closely connected with the phenomenon of historical memory. The article describes how the narrator, through his communication with Leonid Lvovich, acquires ideas about the past and “absorbs” the culture of the early twentieth century. The study distinguishes and specifies the ways of historical memory transmission: through upbringing and education, organization of everyday life, reproduction of family traditions. The article concludes that the role of the grandfather in the narrator’s fate is so great that the very concept of the flow of time is directly related to him.*

Keywords: A. P. Chudakov, “Darkness is falling on the old steps”, new historicism, history of everyday life, historical memory, microhistory, plot formation, narrative structure, family, family values.

Cite as: Gorburov I. D. The embodiment of historical memory in the novel “Darkness is falling on the old steps” by A. P. Chudakov. *Nauka i shkola*. 2025, No. 4, pp. 11–17. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-4-11-17.

Роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» многими современными исследователями маркируется как «пасторальный» [1] или «идиллический» [2]. При этом в тех же исследовательских работах отмечается несоответствие модальности произведения общему духу исторических событий [3], служащих для него фоном. Действие романа охватывает сложный период жизни российского общества – Великую Отечественную войну, период репрессий и массовой ссылки. Само общество Чебачинска, города, в котором происходит практически все сюжетное действие, – фактически состоит из ссыльных, из людей с трагическими судьбами: «Чеченцы были по-

следней из волн ссыльно-поселенцев, с начала тридцатых годов накатывавших на Чебачинск. Первой были кулаки из Сальских степей <...> в Чебачинск начали поступать политические <...>. Перед войной стали поступать те, кто уже отбыл три или пять лет лагерей» [4, с. 41–42]. При этом общее умонастроение, составляющее духовно-эмоциональный авторский фон романа Чудакова, отличается чувством светлой ностальгии [5, с. 179], прослеживается явное сходство между универсумом Чудакова и герметичным универсумом дворянской усадьбы из литературного дискурса XIX в. [5].

Именно на этом несоответствии модальностей во многом и заключается художественная специфика текста А. П. Чудакова, разительно отличающегося от произведений, охватывающих тот же временной промежуток и тот же тематический пласт (например, «Погружение во тьму» О. В. Волкова). Внутренними романскими обоснованиями для этого служат две объективных причины – климат и особый социум: «А до самой Степи раскинулся райский уголок, курорт, казахская Швейцария» [6, с. 62]; «Такого количества интеллигенции на единицу площади Антону потом не доводилось видеть ни в Москве, ни в Париже, ни в Бостоне» [6, с. 63]. По совокупности этих факторов формируется уникальный художественный мир романа А. П. Чудакова.

Подобный вид отображения исторических событий в современных гуманитарных науках тесно связан с двумя концептами – локальной историей (микроисторией) и историей повседневности. Микроисторический подход, «сокращая масштаб исследования до локальных сообществ [города, деревни, семьи] и отдельных личностей» [7], позволяет установить общие социальные тенденции, свойственные определенному историческому периоду. Изучение микроистории напрямую связано с разрушением иерархических общественных связей с точки зрения влияния на исторический процесс: «В центре внимания исследователя оказывались не цари или герои, а “маленькие люди”» [8]. Предметом изучения истории повседневности становится «конкретное выражение “жизненного мира”: быт, трудовые отношения, мода (одежда), жилище, формы досуга и т. д. и т. п.» [9]. Существенную важность при этом приобретают не только материальные объекты, но и эмоции и переживания людей, что обуславливает тесную связь истории повседневности и психологии [10]. Оба концепта активно развивались во второй половине XX в. и имели тесную связь с постструктуралистским и постмодернистским дискурсами [8]. Исходя из данных положений, под термином «историческая память» мы будем понимать не столько общие знания о течении исторического процесса, сколько совокупность устоявшихся социокультурных установок: как относящихся к миру вещественному (организации быта), так и к миру духовному (круг литературного чтения, семейные традиции и т. д.).

Роман А. П. Чудакова может крайне ярко иллюстрировать воплощение искомых концепций в литературном поле: он практически целиком состоит из бытописания; выстроен вокруг конкретного локуса пространства (города Чебачинска); базируется на истории жизни множества рядовых ссыльнопоселенцев; предельно психологизирован. Интересным является и то, насколько четко текст А. П. Чудакова репрезентует постмодернистское отношение к течению исторического времени: «прошлое совмещается в едином темпоральном пространстве с настоящим и будущим <...> бессистемно, хаотично “смешивает” в себе разные эпохи, события, личности» [11]. Рассказчик в нем постоянно перемещается между началом, серединой и концом двадцатого века, хронологичность изложения хоть и заявлена, но соблюдается весьма условно, постоянно нарушаясь. Этот общий принцип возможно отчетливо проследить на эпизоде, связанном с историей про черепаху Наполеона. Этой «истории» в романе отводится всего несколько абзацев, из которых читатель узнает, как Антон услышал от своей учительницы историю про черепаху, проживающую на острове

Святой Елены и видевшую живого Наполеона, затем тут же следует информация о том, как эту же историю Антон рассказывает своей дочери, после чего повествование вновь возвращается к школьным годам.

В романе А. П. Чудакова описаны истории десятков людей: текст делится на относительно обособленные и полностью самостоятельные фрагменты. Фрагменты эти различаются по объему и степени влияния на общую сюжетную канву – от нескольких строчек до десятков страниц. Например, трагической судьбе дяди Кузика, художника-сюрреалиста, уделяется в тексте два абзаца, а история жизни Бориса Григорьевича Гройдо, близкого друга деда Антона, линейно проступает на всех этапах текста – имя его упоминается более тридцати раз. Фрагментарность, микроисторичность, свободное обращение со временем сближает роман А. П. Чудакова с историческими романами второй половины XX в. [12], но вместе с тем ни один из этих приемов не используется автором идеологически – не служит для манифестации принципов какого-либо художественного направления или философской школы (как это происходит, например, с «Публичными признаниями женщины средних лет» С. Таунсенд: «автор демонстративно акцентирует раздробленность, отсутствие целокупности, связности отдельных тем и идей <...> изображение повседневности превращается в изображение истории» [13]). При всех заявленных атрибутах текста роман А. П. Чудакова избегает хаотичности и имеет четко обозначенную структуру. Эту структуру возможно определить с помощью системы персонажей: ее центром является дед рассказчика, Леонид Львович: он появляется в каждой главе без исключений, прямо или косвенно имеет отношение практически к каждой теме, затронутой в романе. Вокруг деда формируется внутренний круг – семья рассказчика. Жизни семьи посвящена большая часть текста. Вокруг семьи формируется внешний круг – истории жизни друзей и знакомых рассказчика, приятелей деда, школьных учителей, просто примечательных жителей Чебачинска. Роман не является биографией Леонида Львовича, его образ не перетягивает на себя социальный и исторический контекст, но выполняет центрообразующую функцию, становится стержнем повествования. Вместе с тем практически каждая локальная история и описанный в ней персонаж так или иначе связаны с Леонидом Львовичем.

В редких исключениях это условие нарушается: в романе присутствует ряд персонажей, чьи сюжетные линии протекают полностью опосредованно (в основном это относится к эпизодическим персонажам: например, к Кемпелю, школьному товарищу Антона). При этом всегда соблюдается другое строгое условие для включения локальной истории в общую повествовательную канву – глубокое эмоциональное воздействие на героя-рассказчика. Подобный вывод мы можем сделать, исходя из очевидно яркой стилистической окраски текста – даже незначительные его фрагменты несут выразительную эмоциональную окраску. Повествователь не ведет сухого конспектирования действительности и всегда четко проявляется в тексте благодаря прямым оценочным суждениям, чем и определяется предельная локальность и субъектность повествования. Здесь же правомерно будет отметить, что образ деда является центральным не только из-за обширности социальных связей, но исходя из степени влияния на становление мировоззрения рассказчика. Дед выступает медиатором практически во всех сферах жизни, оказывает на Антона наибольшее влияние, поэтому степень оценки события происходит как бы через призму дедова мировоззрения: «Я ненавижу, я люблю то же, что и ты» [6, с. 423].

Первые академические знания о мире, усвоенные Антоном, приходят именно от деда. Дед занимается образованием внука с самых ранних лет: «Наученный дедом читать так рано, что не помнил себя неграмотным» [6, с. 17]. От деда Антон получает

представления о географическом устройстве мира (Антон вслед за дедом называл Южный океан – Южноледовитым), об истории («Да, история у вас с дедушкой какая-то немасштабная» [6, с. 51]); обучает математике и логике («таблицу умножения он показывал, играя “в пальцы”» [6, с. 52]), естествознанию («Рассказывал, как исландцы добывают гагачий пух» [6, с. 52]). Он же формирует литературный вкус Антона («Крылова, нашего любимого с отцом и дедом великого русского поэта» [6, с. 371]; деду читал наизусть Пушкина [6, с. 107]). Таким образом, именно дед всецело выполняет функции формирования личности Антона на дошкольном этапе развития.

Но роль деда отнюдь не исчерпывается процессом обучения Антона. Именно с образом деда сопряжена передача семейных традиций (например, коллективное семейное хоровое пение или чтение вслух). Интересен тот факт, что в последующем рассказчик, используя дедов пример, пытается передать эти традиции следующему поколению, своим детям и внукам (например, рассказывает истории «про все самое-самое» [6, с. 379], как это раньше делал дед). Тема семьи и преемственности поколений занимают в тексте особое место. Читатель получает объемное представление о семье рассказчика: как с точки зрения глубины семейного древа, так и его ширины. С одной стороны, Антон, основываясь на рассказах бабушки и деда, знает историю своего рода до прапрадедов, с другой – рассказывает о собственных внуках и взаимоотношениях с ними. При этом в романе описана судьба не только ближнего круга семьи Антона, но и его двоюродных братьев и сестер, теток и дядей, сестер и братьев деда и бабушки.

Леонид Львович также является центром быта дома: большинство домашних дел, описанных рассказчиком, сопряжены с дедом: с ним он ездит за дровами, ходит в баню, работает в огороде. Самые примечательные сцены быта, оказавшие на Антона сильное эмоциональное воздействие – например, пропитка старой куртки водоотталкивающей эмульсией, организация системы перегонных куч – это продукты деятельности деда. Здесь же необходимо отметить, что не только дед имеет на рассказчика заметное влияние: косить Антона обучает отец, а копать – и это станет самым любимым делом в жизни рассказчика – сосед, шахматист Егорычев, прошедший «школу Беломорканала» [6, с. 193].

Помимо вышеперечисленных аспектов, Леонид Львович имеет на Антона аксиологическое влияние, напрямую определяя его систему ценностей, отношение к людям и событиям. Наиболее яркий пример – история с отношением к агроному Т. Д. Лысенко. Антону приходится столкнуться с двумя позициями относительно советского биолога – в школе ему рассказывают о передовых достижениях Трофима Лысенко, в то время как дома дед высказывается о нем крайне негативно. Побеждает правда Леонида Львовича: «Антон тоже стал его ненавидеть, и все больше» [6, с. 332]. Данный эпизод значителен еще и тем, что является одним из немногих, в которых открыто декларируется система взглядов рассказчика. Несмотря на эмоциональность, с которой описываются пережитые события, взгляды рассказчика крайне редко проявляются в тексте напрямую (исключения составляют бонапартизм и восхищение от работ Н. Ф. Федорова). Это составляет разительное противоречие с тем, как описаны дед и отец, система ценностей и убеждений которых прозрачна с точки зрения отображения в тексте: например, больше половины главы «Отец» посвящены отношением отца к различным историческим личностям, его работе на поприще политического просвещения.

Таким образом, можно сказать, что персонификация рассказчика происходит не самостоятельно, а является своеобразным отражением взглядов, повлиявших на него. Вместе с тем необходимо заметить, что сводить личность Антона к эманации

взглядов деда совершенно неправомерно. В тексте описывается значительное число ситуаций, в которых рассказчик с дедом не согласен (например, в отношении к В. В. Маяковскому или в отношении к кинематографу). Получается, что именно дед выступает в романе медиатором исторической памяти: он непосредственно передавал информацию об ушедшей эпохе, организовал быт, сохранял семейные традиции, формировал художественный вкус, круг чтения более молодого поколения. Биографию деда Антон знал «лучше своей собственной» [6, с. 378] (впоследствии внучка Антона также будет знать его, Антона, биографию). Именно через деда и его ближайших друзей приходит к Антону ощущения принадлежности к иной эпохе: «скорее не останется никого, с кем ты бы мог говорить о своих любимых девятидесятых, о золотом веке» [6, с. 425].

Через воспоминания деда Антон получает живые представления о начале двадцатого века, срастается с его культурой. Но дед не только транслирует историческую память – само осмысление истории века напрямую связано с ним, с его жизненным опытом, его мироощущением и миропостижением. Этот факт определяет хронотоп романа: время в тексте А. П. Чудакова растянуто, а пространство сужено. В строгом смысле события романа охватывают практически все двадцатое столетие, наполненное грандиозными историческими событиями. Но эти события не осмысляются в тексте напрямую, выступая только фоном для локальной истории жизни конкретных людей: деда, членов его семьи, его друзей. Роль деда в сознании рассказчика настолько велика, что именно с ним связано осмысление феномена смерти, ограниченности времени: «Само понятие о ней вошло в него с дедом» [6, с. 633]. Смерть деда – а через него и всех его знакомых – обозначает для рассказчика окончание века, окончание обозримой истории. Вместе с ней заканчивается и текст романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полупанова А. Н. Черты поэтики филологической прозы в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 347–350.
2. Гордеева Е. М. Роман-идиллия А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» как современная робинзонада // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 38–46.
3. Фетисова В. А. Многогранность жанровой природы романа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 879–887.
4. Чудакова М. О., Гитович И. Е. Александр Павлович Чудаков: Сборник памяти. М.: ЯСК, 2024. 464 с.
5. Шафранская Э. Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 140–144.
6. Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. М.: Время, 2016. 640 с.
7. Арсентьев Н. М., Руськин А. Н. Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // ИТС. 2010. № 4. С. 40–44.
8. Банникова Е. В. Повседневность как объект исторического исследования // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 3. С. 198–205.
9. Заховаева А. Г. Смысл «истории повседневности» и «философия повседневности» в контексте гуманистической парадигмы // Ценности и смыслы. 2023. № 3. С. 102–111.
10. Калашникова О. В. История повседневности как предмет междисциплинарного исследования // Система ценностей современного общества. 2010. № 14. С. 124–128.
11. Шуб М. Л., Лазарова А. А. Прошлое в масштабах микроистории. Основные подходы к изучению // Вестник КазГУКИ. 2012. № 1. С. 33–38.

12. Бахтина М. А. Интерпретация исторического в творчестве Дж. Барнса (романы «История мира в 10 с 1/2 главах», «Англия, Англия», «Предчувствие конца»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 46 с.
13. Струкова Т. Г. История как повседневность: о сборнике рассказов С. Таунсенд «Публичные признания женщины средних лет» // Вестник ТГГПУ. 2015. № 2 (40). С. 257–261.

REFERENCES

1. Polupanova A. N. Cherty poetiki filologicheskoy prozy v romane A. P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019, No. 4, pp. 347–350.
2. Gordeeva E. M. Roman-idilliya A. P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni" kak sovremennaya robinzonada. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. 2015, No. 3, pp. 38–46.
3. Fetisova V. A. Mnogogrannost zhanrovoy prirody romana A. P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni". *Vestnik nauki*. 2023, No. 12 (69), pp. 879–887.
4. Chudakova M. O., Gitovich I. E. *Aleksandr Pavlovich Chudakov: Sbornik pamyati*. Moscow: YaSK, 2024. 464 p.
5. Shafranskaya E. F. Roman A. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni" v aspekte filologicheskoy antropologii. *Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo un-ta*. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki. 2017, No. 4, pp. 140–144.
6. Chudakov A. P. *Lozhitsya mгла na starye stupeni: roman-idilliya*. Moscow: Vremya, 2016. 640 p.
7. Arsenyev N. M., Ruskin A. N. Integratsionnye protsessy sredi evropeyskikh shkol mikroistorii (teoretiko-metodologicheskii aspekt). *ITS*. 2010, No. 4, pp. 40–44.
8. Bannikova E. V. Povsednevnost kak obyekt istoricheskogo issledovaniya. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2011, No. 3, pp. 198–205.
9. Zakhovaeva A. G. Smysl "istorii povsednevnosti" i "filosofiya povsednevnosti" v kontekste gumanisticheskoy paradigmy. *Tsennosti i smysly*. 2023, No. 3, pp. 102–111.
10. Kalashnikova O. V. Istoriya povsednevnosti kak predmet mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 2010, No. 14, pp. 124–128.
11. Shub M. L., Lazarova A. A. Proshloe v masshtabakh mikroistorii. Osnovnye podkhody k izucheniyu. *Vestnik KazGU*. 2012, No. 1, pp. 33–38.
12. Bakhtina M. A. Interpretatsiya istoricheskogo v tvorchestve Dzh. Barnsa (romany "Istoriya mira v 10 s 1/2 glavakh", "Angliya, Angliya", "Predchuvstvie kontsa"). *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Rostov-on-Don, 2004. 46 p.
13. Strukova T. G. Istoriya kak povsednevnost: o sbornike rasskazov S. Taunsend "Publichnye priznaniya zhenshchiny srednikh let". *Vestnik TGGPU*. 2015, No. 2 (40), pp. 257–261.

Горбуров Иван Дмитриевич, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: lubluearhaus@mail.ru

Gorburov Ivan D., PhD post-graduate student, Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: lubluearhaus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2025

The article was received on 20.03.2025